

# Метаморфозы

**Автор:**

Публий Овидий Назон

Метаморфозы

Публий Овидий Назон

Поэма «Метаморфозы» – самое значительное, яркое и эффектное произведение Овидия, над которым он работал шесть лет. Звонким, чеканным слогом поэт пересказывает удивительные истории греческих и римских мифов, в которых люди – волей, карой или милостью богов – превращаются в животных и растения, камни и звезды.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Овидий

Метаморфозы

Книга первая

Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в формы

Новые. Боги, – ведь вы превращения эти вершили, —

Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной

До наступивших времен непрерывную песнь доведите.

Не было моря, земли и над всем распростертого неба, —  
Лик был природы един на всей широте мироздания, —  
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,  
Бременем косным он был, — и только, — где собраны были  
Связанных слабо вещей семена разносущные вкуче.

Миру Титан никакой тогда не давал еще света.  
И не наращивала рогов новоявленных Феба,  
И не висела земля, обтекаема током воздушным,  
Собственный вес потеряв, и по длинным земным окомам  
Рук в то время своих не простерла еще Амфитрита.

Там, где суша была, пребывали и море и воздух.  
И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать.  
Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило.  
Всё еще было в борьбе, затем что в массе единой  
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,

Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким.  
Бог и природы почин раздору конец положили.  
Он небеса от земли отрешил и воду от суши.  
Воздух густой отделил от ясность обретшего неба.  
После же, их разобрав, из груды слепой их извлекши,

Разные дав им места, – связал согласиём мирным.  
Сила огня вознеслась, невесомая, к сводам небесным,  
Место себе обретя на самом верху мирозданья.  
Воздух – ближайший к огню по легкости и расстоянью.  
Оных плотнее, земля свои притянула частицы.

Сжатая грузом своим, осела. Ее обтекая,  
Глуби вода заняла и устойчивый мир окружила.  
Расположенную так, бог некий – какой, неизвестно —  
Массу потом разделил; разделив, по частям разграничил —  
Землю прежде всего, чтобы все ее стороны гладко

Выровнять, вместе собрал в подобье огромного круга.  
После разлил он моря, приказал им вздыматься от ветров  
Буйных, велел им обнять окруженной земли побережья.  
После добавил ключи, болота без края, озера;  
Брегом извилистым он обвел быстроводные реки,

Разные в разных местах, – иные земля поглощает,  
К морю другие текут и, дойдя, поглощаются гладью  
Вольно разлившихся вод, и скалы им берегом служат.  
Он повелел разостлаться полям, и долинам – вдавиться,  
В зелень одеться лесам, и горам вознестись каменистым.

Справа пояса два и слева столько же неба  
Свод обвели, и меж них, всех прочих пламенной, пятый.  
Сводом объятую твердь означил умысел бога  
Точно таким же числом: земля – с пятью полосами.  
На серединной из них от жары обитать невозможно.

Две под снегом лежат глубоким, а двум между ними  
Бог умеренность дал, смешав там стужу и пламень.  
Воздух вплотную навис над ними; насколько по весу  
Легче вода, чем земля, настолько огня он тяжеле.  
В воздухе тучам стоять приказал он и плавать туманам,

И раздражаться громам, смущающим души людские,  
Молниям он повелел и ветрам приносить охлажденье.  
Но не повсюду владеть позволил им мира строитель  
Воздухом. Даже теперь нелегко воспрепятствовать ветрам,  
Хоть и по разным путям направляется их дуновенье,

Весь наш мир сокрушить. Таково несогласие братьев!  
Эвр к Авроре тогда отступил, в Набатейское царство,  
В Персию, к горным хребтам, озаряемым утренним светом.  
Запад и те берега, что солнцем согреты закатным,  
Ближе к Зефиру, меж тем как в Скифию и в Семизвездье

Вторгся ужасный Борей; ему супротивные земли  
Влажны всегда от туманов сырых и дождливого Австра.  
Сверху же, выше их всех, поместил он веса лишенный  
Ясный эфир, никакою земной не запятнанный грязью.  
Только лишь расположил он всё по точным границам, —

В одной громаде – слепой – зажатые прежде созвездья  
Стали одно за одним по всем небесам загораться;  
Чтобы предел ни один не лишен был живого создання,  
Звезды и формы богов небесную заняли почву.  
Для обитанья вода сверкающим рыбам досталась,

Суша земная зверям, а птицам – воздух подвижный.  
Только одно существо, что священнее их и способней  
К мысли высокой, – чтоб стать господином других, – не являлось.  
И родился человек. Из сути божественной создан  
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,

Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром  
Только что, семя еще сохранила родимого неба?  
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,  
Сделал подобье богов, которые всем управляют.  
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю

Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо  
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.  
Так земля, что была недавно безликой и грубой,  
Преобразясь, приняла людей небылые обличья.  
Первым век золотой народился, не знавший возмездий,  
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность.  
Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали  
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая  
В страхе решенья судьи, – в безопасности жили без судей.  
И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы  
С гор не спускалась своих сосна на текущие волны.  
Смертные, кроме родных, никаких побережий не знали.  
Не окружали еще отвесные рвы укреплений;  
Труб не бывало прямых, ни медных рогов искривленных,  
Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,  
Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.  
Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой,  
Плугом не ранена, всё земля им сама приносила.  
Пищей довольны вполне, получаемой без принужденья,  
Рвали с деревьев плоды, земляничник нагорный собирали,

Терн, и на крепких ветвях висящие ягоды тута,  
Иль урожай желудей, что с дерева Юпитера пали.  
Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем  
Ласково нежил зефир цветы, не знавшие сева.  
Боле того: урожай без распашки земля приносила;

Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,  
Реки текли молока, струились и нектара реки,  
Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.  
После того как Сатурн был в мрачный Тартар низвергнут,  
Миром Юпитер владел, – серебряный век родился.

Золота хуже он был, но желтой меди ценнее.  
Сроки древней весны сократил в то время Юпитер,  
Лето с зимою создав, сотворив и неверную осень  
С краткой весной; разделил он четыре времени года.  
Тут, впервые, сожжен жарой иссушающей, воздух

Стал раскаляться и лед – повисать под ветром морозным.  
Тут впервые в домах расселились. Домами служили  
Людам пещеры, кусты и лыком скрепленные ветви.  
В первый раз семена Церерины в бороздах длинных  
Были зарыты, и вол застонал, ярмом удрученный.

Третьим за теми двумя век медный явился на смену;  
Духом суровой он был, склонней к ужасающим браням, —  
Но не преступный еще. Последний же был – из железа,  
Худшей руды, и в него ворвалось, нимало не медля,  
Всё нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность;

И на их место тотчас появились обманы, коварство;  
Козни, насилье пришли и проклятая жажда наживы.  
Начали парус вверять ветрам; но еще мореходы  
Худо их знали тогда, и на высях стоявшие горных  
На непривычных волнах корабли закачались впервые.

Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце и воздух,  
Длинной межою поля землемер осторожный разметил.  
И от богатой земли не одних урожаев и должной  
Требовать стали еды, но вошли и в утробу земную;  
Те, что скрывала земля, отодвинувши к теням стигийским,

Стали богатства копать, – ко всякому злу побужденью!  
С вредным железом тогда железа вреднейшее злато  
Вышло на свет и война, что и златом крушит, и железом,  
В окровавленной руке сотрясая со звоном оружие.  
Люди живут грабежом; в хозяине гость не уверен,



В зяте – тесть; редка приязнь и меж братьями стала.

Муж жену погубить готов, она же – супруга.

Страшные мачехи, те аконит подбавляют смертельный;

Раньше времени сын о годах читает отцовских.

Пало, повержено в прах, благочестье, – и дева Астрея

С влажной от крови земли ушла – из бессмертных последней.

Не был, однако, земли безопасней эфир высочайший:

В царство небес, говорят, стремиться стали Гиганты;

К звездам высоким они громоздили ступенями горы.

Тут всемогущий отец Олимп сокрушил, ниспослал он

Молнию; с Оссы он сверг Пелион на нее взгроможденный.

Грузом давимы земли, лежали тела великанов, —

Тут, по преданью, детей изобильной напитана кровью,

Влажною стала земля и горячую кровь оживила;

И, чтоб от рода ее сохранилась какая-то память,

Образ дала ей людей. Но и это ее порожденье

Вовсе не чтит богов, на убийство свирепое падко,

Склонно насилье творить. Узнаешь рожденных от крови!

Это Сатурний-отец увидал с высокой твердыни

И застонал и, стола Ликаонова гнусный припомнив

Пир, недавний еще, получить не успевший огласки,  
Сильным в душе запылав и достойным Юпитера гневом,  
Созвал богов на совет. И не медлили званые боги.  
Есть дорога в выси, на ясном зримая небе;  
Млечным зовется Путем, своей белизною заметна.

То для всевышних богов – дорога под кров Громовержца,  
В царский Юпитера дом. Красуются справа и слева  
Атрии знатных богов, с дверями, открытыми настезь.  
Чернь где придется живет. В передней же части чертога  
Встали пенаты богов – небожителей, властью славных.

Это-то место – когда б в выражениях был я смелее —  
Я бы назвал, не боясь, Палатином великого неба.  
Так, расселись едва в покоях мраморных боги,  
На возвышенья, рукой опершись на скипетр из кости,  
Трижды, четырежды он потряс приводящие в ужас

Волосы, поколебав и землю, и море, и звезды.  
Следом за тем разрешил и уста, возмущенные гневом:  
«Нет, я не более был вселенной моей озабочен  
В те времена, как любой из врагов змееногих готов был

С сотней протянутых рук на пленное броситься небо!

Хоть и жестокий был враг, – но тогда от единого рода  
Происходила война и единый имела источник.

Ныне же всюду, где мир Нереевым гулом охвачен,  
Должен смертный я род погубить. Клянуся реками  
Ада, что под землей протекают по роще стигийской, —

Было испытано всё. Но неизлечимую язву  
Следует срезать мечом, чтоб здоровую часть не задело.  
Есть полубоги у нас, божества наши сельские; нимфы,  
Фавны, сатиры и тор обитатели диких – сильваны.  
Если мы их до сих пор не почтили жилищем на небе,

Землю мы отдали им и на ней разрешим оставаться.  
Но, о Всевышние! Всё же довольно ль они безопасны,  
Ежели мне самому, и вас и перуна владыке,  
Козни строить посмел Ликаон, прославленный зверством?»  
Затрепетали тут все и дерзкого требуют с жарким

Рвеньем. Так было, когда осмелился сброд нечестивый  
Римское имя залить в неистовстве – Цезаря кровью.  
Ужасом был поражен, что громом, при этом паденье  
Род человеческий, вся содрогнулась вселенная страхом.

Столь же отрадна тебе твоих близких преданность, Август,

Сколь Громовержцу – богов благоверность. Лишь голосом он и рукою

Ропот вокруг подавил, все снова безмолвными стали.

Только лишь кончился крик, подавлен владыки величием,

Сызнова речью такой прервал Юпитер молчанье:

«Он уже кару понес, и об этом оставьте заботу.

Что совершил он и как был наказан, о том сообщу я:

Наших достигла ушей недобрая времени слава.

Чая, что ложна она, с вершины спускаюсь Олимпа,

Обозреваю я – бог в человеческом облике – землю.

Долго б пришлось исчислять, как много повсюду нашел я

Злостного. Истине всей молва уступала дурная.

Вот перешел я Менал, где звериные страшны берлоги,

После в Киллену зашел и в прохладные сосны Ликея,

В дома аркадцев входил и под кров неприютный тирана.

Сумерки поздние ночь меж тем влекли за собою.

Подал я знак, что пришло божество, – народ тут молиться

Начал. Сперва Ликаон над обетами стал насмехаться

И говорит: «Испытаю при всех в открытую, бог ли

Он или смертный. Тогда не будет сомнительна правда».

В ночь, отягченного сном, сгубить нечаянной смертью

Хочет меня. По душе ему этак испытывать правду.

Но, не довольствуясь тем, одному из заложников, коих

Выслал молосский народ, мечом пронзает он горло.

После в кипящей воде он членов часть полумертвых

Варит, другую же часть печет на огне разведенном.

Только лишь подал он их на столы, я молнией мстящей

Дом повалил на него, на достойных владельца пенатов.

Он, устрешенный, бежит; тишины деревенской достигнув,

Воет, пытаюсь вотще говорить. Уже обретают

Ярость былые уста, с привычною страстью к убийству

Он нападает на скот, – и доныне на кровь веселится!

Шерсть уже вместо одежд; становятся лапами руки.

Вот уж он – волк, но следы сохраняет прежнего вида:

Та же на нем седина, и прежняя в морде свирепость,

Светятся так же глаза, и лютость в облике та же.

Дом сокрушился один – одному ли пропасть подобало! —

Всем протяженьем земли свирепо Эриния правит.

Словно заговор тут преступный замыслили! Значит,

Пусть по заслугам и казнь понесут! Таков приговор мой».

Речь Громовержца одни одобряют, еще подстрекая

Ярость его; у других молчание служит согласием.

Но человеческий род, обреченный на гибель, жалеют

Все; каков будет вид земли, лишившейся смертных,

Все вопрошают, и кто приносить на жертвенник будет

Ладан? Иль хочет зверью он отдать опустелую землю?

И на вопрос их в ответ, – что его-де об этом забота, —

Вышних царь запрещает дрожать и, не схожее с прежним,

Он обещает явить – чудесным рождением – племя.

Вот уж по всей земле разметать он готов был перуны,

Да убоялся, пылать от огней не начал бы стольких

Неба священный эфир и длинная ось не зажглась бы.

Вспомнил, – так судьбы гласят, – что некогда время наступит,

Срок, когда море, земля и небесный дворец загорятся, —

Гибель будет грозить дивнослаженной мира громаде.

Стрелы тогда отложил – мастеров-циклопов работу,

Кару иную избрал – человеческий род под водою

Вздумал сгубить и с небес проливные дожди опрокинул,

Он Аквилона тотчас заключил в пещерах Эола

И дуновения все, что скопления туч отгоняют.

Выпустил Нота. И Нот на влажных выносится крыльях, —

Лик устрашающий скрыт под смольно-черным туманом,

Влагой брада тяжела, по сединам потоки струятся,

И облака на челе; и крылья и грудь его в каплях.

Только лишь сжал он рукой пространно нависшие тучи,

Треск раздался?, и дожди, дотоль запертые, излились.

В радужном платье своем, Юноны вестница, воды

Стала Ирида собирать и ими напитывать тучи.

В поле хлеба полегли; погибшими видя надежды,

Плачет селянин: пропал труд целого года напрасный.

Не удовольствован гнев Юпитера – небом; лазурный

Брат помогает ему, посылая воды на помощь.

Реки созвал, и, когда под кров своего господина

Боги речные вошли, – «Прибегать к увещаниям долгим

Незачем мне, – говорит. – Свою всю силу излейте!

Надобно так. Отворите дома, отодвиньте преграды

И отпустите тотчас всем вашим потокам поводья».

Так приказал. И они родникам расширяют истоки,

И, устремляясь к морям, в необузданном катятся беге.

Сам он трезубцем своим о землю ударил. Она же  
Дрогнула вся и воде на свободу открыла дорогу.

И по широким полям, разливаясь, несутся потоки;  
Вместе с хлебами несут деревья, людей и животных,  
Тащат дома и всё, что в домах, со святынями вместе.  
Ежель остался дом, устоял пред такую бедою  
Неповрежденный, то всё ж он затоплен водою высокой,

И уже скрыты от глаз погруженные доверху башни.  
Суша и море слились, и различья меж ними не стало.  
Всё было – море одно, и не было берега у моря.  
Кто перебрался на холм, кто в лодке сидит крутобокой  
И загребает веслом, где сам обрабатывал пашню.

Тот над нивой плывет иль над кровлей утопшего дома  
Сельского. Рыбу другой уже ловит в вершине у вяза.  
То в зеленеющий луг – случается – якорь вонзится,  
Или за ветви лозы зацепляется гнутое днище.  
Там, где недавно траву щипали поджарые козы,

Расположили свои неуклюжие туши тюлени.

И в изумленье глядят на рощи, грады и зданья

Девы Нереевы. В лес заплывают дельфины, на сучья



Верхние вдруг налетят и, ударясь, дуб заколеблют.

Волк плывет меж овец, волна льва рыжего тащит.

Тащит и тигров волна; не впрок непомерная сила

Вепрю, ни ног быстрота влекомому током оленю.

Долго земли проискав, куда опуститься могла бы,

Падает в море, кружа, с изнемогшими крыльями птица.

Залиты были холмы своевольем безмерной пучины, —

В самые маковки гор морской прибой ударяет.

Гибнет в воде большинство; а немногих, водой пощаженных,

При недостатке во всём, продолжительный голод смиряет.

От Аонийских вершин отделяет Эту Фокида, —

Тучные земли, дотоль они землями были, теперь же

Моря частица, воды небывалой широкое поле.

Там крутая взнеслась гора двухвершинная к звездам,

Именованьем – Парнас; облаков верхи ее выше.

К ней-то Девкалион – остальное вода покрывала —

С брачной подругой своей пристал на маленькой лодке.

Нимфам корикским они и гор божествам помолились,

Вещей Фемиде, тогда прорицалищем оным владевшей.

Не было лучше вовек, ни правдолюбивее мужа,  
Богобоязненна так ни одна не бывала из женщин.  
И как Юпитер узрел, что мир стал жидким болотом,

И что остался он там из стольких тысяч единым,  
И что осталась она из стольких тысяч единой,  
Оба невинны душой, богов почитатели оба, —  
Он облака раскидал, Аквилоном туман отодвинул,  
Земли явил небесам и выси эфирные землям.

Моря недолог был гнев; сложив о трех зубьях оружие,  
Воды владыка морской усмиряет и вставшего поверх  
Волн голубого зовет Тритона, чьи отроду плечи  
В алых ракушках, и дуть велит в трубицу морскую:  
Этим он знак подает отозвать и потоки и волны.

Выбрал из раковин тот пустую трубу завитую,  
Что расширяется вверх от низа крученого; если  
В море такую трубу на просторе наполнить дыханьем,  
Голос достигнет берегов, где солнце встает и ложится.  
И лишь коснулось трубы божество с бородой увлажненной,

Лишь громогласно она заиграла отбой по приказу,  
Все услышали ее потоки, – земные, морские, —

Грозный приказ услышав, потоки ей все покорились.

Реки спадают, уже показались возникшие холмы;

Море опять в берегах и в руслах полные реки,

И выступает земля, с убываньем воды прибывая.

К вечеру долгого дня и лесов показались макушки

Голые, тина у них еще на ветвях оставалась.

Мир возродился земной. И увидев, что так опустел он

И что в печали земля глубоким объята молчаньем,

Девкалион, зарыдав, к своей обращается Пирре:

«Нас, о сестра, жена, о единая женщина в мире,

Ты, с кем и общий род, и дед у обоих единый,

Нас ведь и брак съединил, теперь съединяет опасность, —

Сколько ни видит земли Восток и Запад, всю землю

Мы населяем вдвоем. Остальное всё морю досталось.

Но и поныне еще не вполне мы уверены в нашей

Жизни, еще облака наполняют нам ужасом душу.

Что, если б ты без меня судьбы избежала, бедняжка,

Было бы в сердце твоём? И как бы могла одинокой

Ты этот страх пережить? И кто б твои муки утешил?

Я, о поверь, если б ты оказалась добычею моря,

Сам за тобою, жена, оказался б добычею моря.

О, если б мог возродить я народы искусством отцовским,

О, если б души вливать умел в изваянья из глины!

Ныне же в нас лишь двоих сохраняется смертных порода;

Так уж угодно богам, чтоб людей образцом мы остались».

Оба заплакали. Им захотелось молиться небесным

Силам и помощи их попросить, о судьбине гадая.

Медлить не стали они. Подходят к водам Кефиса,

Что, непрозрачны еще, по руслу знакомому льются.

Там, водяную струю возлиав, себе оросили

Платье и темя они, потом направиться оба

В храм богини спешат, которого кровля белела,

Грязным покрытая мхом, алтари ж без огня пребывали:

И лишь коснулись они храмовых ступеней, как упали

Наземь, устами прильнув к холодному камню, – и вместе

Молвили так, трепеща: «Коль Вышние правой мольбою

Могут смягчиться, и гнев умилоствляется божий,

Молви, Фемида, каким искусством убыток восполнить

Нашего рода; подай, добрейшая, помощь в потопе!»

И умягчилась она и рекла: «Выходите из храма;

Головы ваши покрыв, одежд пояса развяжите  
И через плечи назад мечите праматери кости».  
Остолбенели они, и нарушила первой молчанье

Пирра; богини она покориться веленьям не хочет;  
Молит прощенья себе; уста оробели, боится  
Матери тень оскорбить, назад ее кости кидая,  
Но повторяют меж тем слепое неясное слово,  
Участь предрекшее им, и сами с собой размышляют.

Ласковой речью тогда Прометид обращается мягко  
К Эпиметиде. «Иль мы, – говорит, – ошиблись в догадке,  
Иль благочестен и нам не внушит беззаконья оракул.  
Наша праматерь – земля. В телесах ее скрытые кости,  
Думаю – камни. Кидать их за? спину нам повеленье».

Хоть толкованьем таким убедил супруг Титаниду,  
Всё же надежда смутна, – настолько к советам небесным  
Мало доверья у них. Но что за беда попытаться?  
Вот и сошли; покрывают главу, распоясали платья  
И, по приказу, назад на следы свои камни бросают.

Камни, – поверил бы кто, не будь свидетелем древность? —  
Вдруг они стали терять постепенно и твердость и жесткость,

Мягкими стали, потом принимали, смягчившись, и образ.

После, когда возросли и стала нежней их природа,

Можно было уже, хоть неясный, облик увидеть

В них человека, такой, как в мраморе виден початом, —

Точный еще не совсем, изваяниям грубым подобный.

Часть состава камней, что была земляною и влажный

Сок содержала в себе, пошла на потребу для тела;

Крепкая ж часть, что не гнулась совсем, в костяк обратилась,

Жилы же в части камней под тем же остались названьем.

Времени мало прошло, и, по воле Всевышних, каменья

Те, что мужчина кидал, и внешность мужчин обретали;

А из-под женских бросков вновь женщины в мир возвращались.

То-то и твердый мы род, во всяком труде закаленный,

И доказуем собой, каково было наше начало!

Разных по виду потом животных своим изволеньем

Вскоре земля родила, когда разогрелась от солнца.

Сырость прежняя, ил и болотная липкая влага

Стали от зноя вспухать, и зародыши всяческой твари,

Вскормлены солнцем живым, как в материнской утробе,

В них развивались и свой принимали со временем облик.

Так, покинет едва семиустый влажные нивы

Нил и течение свое предоставит прежнему руслу,

И под светилом небес разогреется ил нанесенный,

Много животных тогда хлебопашцы находят под каждым

Камнем земли: одних в зачаточном виде, при самом

Миге рожденья, других еще при начале развития,

Вовсе без членов, и часть единого тела нередко

Жизнь проявляет, а часть остается землей первобытной.

Ибо, коль сырость и жар меж собою смешаются в меру,

Плод зачинают, и всё от этих двоих происходит.

Если ж в боренье огонь и вода, – жар влажный, возникнув,

Всё создает: для плодов несогласье согласное – в пользу.

Так, лишь потоп миновал, и земля, покрытая тиной,

Зноем небесных лучей насквозь глубоко прогрелась,

Множество всяких пород создала – отчасти вернула

Прежние виды она, сотворила и новые дивы.

И не хотела, но всё ж, о огромный Пифон, породила

Также тебя, и для новых людей ты, змей неизвестный,

Ужасом стал: занимал ведь чуть ли не целую гору!

Бог, напрягающий лук, – он ранее это оружие  
Против лишь ланей одних направлял да коз быстроногих, —  
Тысячу выпустив стрел и почти что колчан свой исчерпав,  
Смерти предал его, и яд из ран заструился.

И чтобы славы о том не разрушило время, старея,  
Установил он тогда состязанья, священные игры, —  
Звали Пифийскими их по имени павшего змея.  
Ежели юноша там побеждал в борьбе, или в беге,  
Или в ристанье, за то получал он дубовые листья:

Не было лавров еще: прекрасным, длинноволосым,  
Феб им виски окружал любую древесною ветвью.

Первая Феба любовь – Пенеева Дафна; послал же  
Деву не случай слепой, а гнев Купидона жестокий.  
Как-то Делиец, тогда над змеем победою гордый,

Видел, как мальчик свой лук, тетиву натянув, выгибает.  
«Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием делать? —  
Молвил. – Нашим плечам пристала подобная ноша,  
Ибо мы можем врага уверенно ранить и зверя;  
Гибельным брюхом своим недавно давившего столько



Места тысячью стрел уложили мы тело Пифона.

Будь же доволен и тем, что какие-то нежные страсти

Может твой факел разжечь; не присваивай подвигов наших!»

Сын же Венерин ему: «Пусть лук твой всё поражает,

Мой же тебя да пронзит! Насколько тебе уступают

Твари, настолько меня ты всё-таки славою ниже».

Молвил и, взмахом крыла скользнув по воздуху, быстрый,

Остановился, слетев, на тенистой твердыне Парнаса.

Две он пернатых достал из стрелоносящего тула,

Разных: одна прогоняет любовь, другая внушает.

Та, что внушает, с крючком, – сверкает концом она острым;

Та, что гонит, – тупа, и свинец у нее под тростинкой.

Эту он в нимфу вонзил, в Пенееву дочь; а другою,

Ранив до мозга костей, уязвил Аполлона, и тотчас

Он полюбил, а она избегает возлюбленной зваться.

Сумраку рада лесов, она веселится добыче,

Взятой с убитых зверей, соревнуясь с безбрачною Фебой.

Схвачены были тесьмой волос ее вольные пряди.

Все домогались ее, – домоганья ей были противны:

И не терпя и не зная мужчин, всё бродит по рощам:

Что Гименей, что любовь, что замужество – нет ей заботы.

Часто отец говорил: «Ты, дочь, задолжала мне зятя!»

Часто отец говорил: «Ты внуков мне, дочь, задолжала!»

Но, что ни раз, у нее, ненавистницы факелов брачных,

Алая краска стыда заливала лицо молодое.

Ласково шею отца руками она обнимала.

«Ты мне дозвожь навсегда, – говорила, – бесценный родитель,

Девственной быть: эту просьбу отец ведь исполнил Диане».

И покорился отец. Но краса твоя сбыться желаньям

Не позволяет твоим; противится девству наружность.

Феб полюбил, в брак хочет вступить с увиденной девой.

Хочет и полон надежд; но своим же вещаньем обманут.

Так, колосьев лишась, возгорается легкое жниво

Или пылает плетень от факела, если прохожий

Слишком приблизит его иль под самое утро забудет, —

Так обратился и бог весь в пламя, грудь полыхает,

Полон надежд, любовь он питает бесплодную в сердце.

Смотрит: вдоль шеи висят, неубраны, волосы. «Что же, —

Молвит, – коль их причесать?» Он видит: огнями сверкают

Очи – подобие звезд; он рот ее видит, которым

Налюбоваться нельзя; превозносит и пальцы и руки,  
Пясти, и выше локтей, и полунагие предплечья,  
Думает: «Лучше еще, что сокрыто!» Легкого ветра  
Мчится быстрее она, любви не внимает призыву.  
«Нимфа, молю, Пенеида, постой, не враг за тобой!

Нимфа, постой! Так лань ото льва и овечка от волка,  
Голуби так, крылом трепеща, от орла убегают,  
Все – от врага. А меня любовь побуждает к погоне.  
Горе! Упасть берегись; не для ран сотворенные стопы  
Да не узнают шипов, да не стану я боли причиной!

Место, которым спешишь, неровно; беги, умоляю,  
Тише, свой бег удержи, и тише преследовать буду!  
Всё ж, полюбилась кому, спроси; я не житель нагорный,  
Я не пастух; я коров и овец не пасу, огрубелый.  
Нет, ты не знаешь сама, горделивая, нет, ты не знаешь,

Прочь от кого ты бежишь, – оттого и бежишь! – мне Дельфийский  
Край, Тенед, и Клар, и дворец Патарейский покорны.  
Сам мне Юпитер отец. Через меня приоткрыто, что было,  
Есть и сбудется; мной согласуются песни и струны.

Правда, метка стрела у меня, однако другая

Метче, которая грудь пустую поранила ныне.

Я врачеванье открыл; целителем я именуюсь

В мире, и всех на земле мне трав покорствуют свойства.

Только увы мне! – любви никакая трава не излечит,

И господину не впрок, хоть впрок всем прочим, искусство».

Больше хотел он сказать, но, полная страха, Пенейя

Мчится бегом от него и его неоконченной речи.

Снова была хороша! Обнажил ее прелести ветер,

Сзади одежды ее дуновением встречным трепались,

Воздух игривый назад, разметав, откидывал кудри.

Бег удвоял красоту. И юноше-богу несносно

Нежные речи терять: любовью движим самую,

Шагу прибавил и вот по пятам преследует деву.

Так на пустынных полях собака галльская зайца

Видит: ей ноги – залог добычи, ему же – спасенья.

Вот уж почти нагнала, вот-вот уж надеется в зубы

Взять и в заячий след впилась протянутой мордой.

Он же в сомнении сам, не схвачен ли, но из-под самых

Песьих укусов бежит, от едва не коснувшейся пасти.

Так же дева и бог, – тот страстью, та страхом гонимы.

Всё же преследователь, крылами любви подвигаем,  
В беге быстрее; отдохнуть не хочет, он к шее беглянки  
Чуть не приник и уже в разметенные волосы дышит.  
Силы лишившись, она побледнела, ее победило

Быстрое бегство; и так, посмотрев на воды Пенея,  
Молвит: «Отец, помоги! Коль могущество есть у потоков,  
Лик мой, молю, измени, уничтожь мой погибельный образ!»  
Только скончала мольбу, – цепенеют тягостно члены,  
Нежная девичья грудь корой окружается тонкой,

Волосы – в зелень листвы превращаются, руки же – в ветви;  
Резвая раньше нога становится медленным корнем,  
Скрыто листвою лицо, – красота лишь одна остается.  
Фебу мила и такой, он, к стволу прикасаясь рукою,  
Чувствует: всё еще грудь под свежей корою трепещет.

Ветви, как тело, обняв, целует он дерево нежно,  
Но поцелуев его избегает и дерево даже.  
Бог – ей: «Если моею супругою стать ты не можешь,  
Деревом станешь моим, – говорит, – принадлежностью будешь  
Вечно, лавр, моих ты волос, и кифары и тула.

Будешь латинских вождей украшеньем, лишь радостный голос

Грянет триумф и узрит Капитолий процессии празднеств,  
Августов дом ты будешь беречь, ты стражем вернейшим  
Будешь стоять у сеней, тот дуб, что внутри, охраняя.  
И как моей головы вечно юн нестриженный волос,

Так же носи на себе свои вечнозеленые листья».

Кончил Пеан. И свои сотворенные только что ветви,  
Богу покорствуя, лавр склонил, как будто кивая.

Есть в Гемонии дол: замыкает его по обрывам  
Лес. Его Темпе зовут; по нему-то Пеней, вытекающая

Прямо из Пиндовых недр, свои воды вспененные катит;  
Тяжким паденьем своим в облака он пар собирает  
И окропляет дождем морозящим леса вершины.  
И утомительный шум оглашает не только окрестность.

Там находится дом, обиталище, недра святыя

Этой великой реки; пребывая в скалистой пещере,  
Водами правил Пеней и нимфами, жившими в водах.  
Единоземные там сначала собираются реки,  
Сами не зная, – отца поздравлять надлежит, утешать ли:  
Сперхий, который родит тополя, Энипей беспокойный,

Тут же старик Апидан и Амфрид ленивый с Ээем;  
После другие сошлись, которые в вольном стремленьи  
К морю выводят свои от блужданий усталые воды.

Инах один не пришел; в глубокой укрывшись пещере,  
Множит он воды слезой; несчастный о дочери Ио

Плачет, как будто навек погибла; не знает, в живых ли  
Или среди манов она, – но нигде он ее не находит;  
Думает, – нет уж нигде, и худшего втайне боится.  
Видел Юпитер ее, когда от реки возвращалась  
Отчей, и – «Дева, – сказал, – что достойна Юпитера, всех бы

Ложем своим осчастливила ты; заходи же под сени  
Рощ глубоких, – и ей он рощ показывал сени, —  
Солнце пока высоко посредине стоит небосвода.  
Если страшно одной подходить к звериным берлогам,  
В рощ тайники ты войдешь, имея защитником бога,

И не из черни богов, но того, кто великий небесный  
Скипетр держит в руке и летучие молнии мечет.  
О, не беги!» Но бежала она. И пастбища Лерны  
Были уже позади, и Лиркея поля с деревьями  
Тоже; но бог, наведя на землю пространную темень,

Скрыл ее, бег задержал и стыд девичий похитил.  
Тут-то Юнона с небес как раз и взглянула на Аргос,  
И, подивившись тому, что летучее облако будто  
Ночь среди белого дня навлекает, решила, что это  
Не от реки, что оно поднялось не от почвенной влаги.

И огляделась кругом: где муж, – затем что проделки  
Знала уже за своим попадавшимся часто супругом.  
И, как его в небесах не нашла, – «Или я ошибаюсь,  
Или обиду терплю!» – сказала, и с горнего неба  
Плавно на землю сошла и уйти облакам повелела.

Он же супруги приход предчувствовал и незамедля  
Инаха юную дочь превратил в белоснежную телку.  
Но и телицей она – хороша. Сатурния хвалит, —  
Нехотя, правда, – ее красоту; да чья, да откуда,  
Стада какого она, вопрошает, как будто не зная.

Лжет Юпитер, – землей-де она рождена, – чтоб покончить  
Эти расспросы. Ее в подарок Сатурния просит.  
Что было делать? Любовь жестоко отдать, не отдать же —  
Впрямь подозрительно. Стыд – отдать убеждает; любовь же —  
Разубеждает его. И быть бы стыду побежденным.



Всё ж столь маленький дар, как телку, сестре и супруге  
Не подарить, – так ее, пожалуй, сочтет не за телку!  
Мужа любовницу взяв, отрешилась богиня не сразу  
От спасенья: страшил ее муж, и обманы смущали.  
И поручила ее сторожить Аресторову Аргу.

Кругом сотня очей на его голове разместилась.  
И, соблюдая черед, лишь по два они отдыхали,  
А остальные, служа, стоять продолжали на страже.  
Где бы Арг ни стоял, постоянно смотрел он на Ио,  
С Ио глаз не спускал, хотя б и спиной повернувшись.

Днем он пастись ей давал, но, только лишь солнце садилось,  
В хлев запирает, обвязав недостойной веревкою шею.  
Ио древесной листвой и горькой травой питалась,  
Вместо постели лежит на земле, не всегда муравью  
Усланной, бедная! Пьет из илистых часто потоков.

К Аргу однажды она протянуть с мольбою хотела  
Руки, – но не было рук, что к Аргу могли б протянуться;  
И, попытавшись пенять, издала лишь коровье мычанье  
И ужаснулась сама – испугал ее собственный голос.  
Вот побережьем идет, где часто, бывало, резвилась,

К Инаху: но лишь в воде увидела морду с рогами,  
Вновь ужаснувшись, она от себя с отвращеньем бежала.  
Сестры наяды ее не узнали; не знает сам Инах,  
Кто перед ним. А она за отцом и за сестрами бродит,  
Трогать себя им дает и ластится к ним, изумленным.

Свежей травы луговой протянул престарелый ей Инах.  
Руку лижет она и отцовы целует ладони.  
Слез не может сдержать и, последуй слово за ними,  
Помощи б стала просить, назвалась бы и горе открыла.  
Буква уже – не слова – ногой нанесенная в прахе,

Горестный знак подала об ее изменившемся теле.  
«Горе мне!» – Инах-отец вскричал, повисая на шее  
И на рогах мычащей в тоске белоснежной телицы.  
«О, я несчастный! – вопит. – Не тебя ли везде и повсюду,  
Дочь, я искал? О, когда б я тебя не обрел, не нашел бы,

Легче был бы мой плач. Молчишь, на мои ты, немая,  
Не отвечаешь слова и только вздыхаешь глубоко  
Или мычишь мне в ответ и большего сделать не можешь.  
Я же, не знавший, тебе светильники брака готовил:  
Первой надеждой моей был зять, второю внучата.

Ныне из стада возьмешь ты мужа, из стада и сына.

Даже и смертью нельзя мне столькие муки покончить!

Бог я – себе на беду, мне замкнуты двери кончины,

И неутешный мой плач продолжится вечные веки».

Так горевали они, но приблизился Арг многоокий,

Дочь оторвал от отца и ее на далекие гонит

Пастбища. Там, в стороне, горы он заметил вершину,

Сел на нее и глядит на четыре стороны света.

Горних правитель не мог таких Форины несчастий

Долго терпеть; он сына зовет, порожденного светлой

Девой Плеядой; велит, чтоб смерти предал он Арга.

Долго ли крылья к ногам привязать, в могучую руку

Тростку снотворную взять, волоса покрывалом окутать!

Вот из отцова дворца, снарядясь, Юпитера отпрыск

Тотчас на землю скользнул, с головы покрывало откинул,

Также и крылышки снял. Лишь трость одну сохранил он;

Гонит он ею – пастух – уведенных потайно с собою

Коз, по полям без дорог, на тростинках свирели играя.

Голосом новым пленен блюститель Юнонин. «Кто б ни был

Ты, но можешь со мной усестись рядом на камень! —

Арг сказал. – Не найдешь ты места другого, где травы  
Были б полезней скоту, а тень пастухам благодатней».  
Отпрыск Атланта присел, разговором и долгой беседой  
Длящийся день растянул и, на дудках играя скрепленных,  
Втайне пытался меж тем одолеть сторожащие очи.

Всё-таки борется тот, чтоб неге сна не поддаться;  
И хоть уж часть его глаз в дрему погрузилась, другая  
Бдит. Обращается он с вопросом, давно ли открыли  
Способ, как сделать свирель, – и каким разуменьем открыли?  
Бог же: «В холодных горах аркадских, – в ответ начинает, —

Самой известной была меж гамадриад онакринских  
Дева-наяда одна, ее звали те нимфы Сирингой.  
Часто спасалась она от сатиров, за нею бегущих,  
И от различных богов, что в тенистом лесу обитают  
И в плодородных полях. Ортигийскую чтит богиню

Делом и девством она. С пояском, по уставу Дианы,  
Взоры могли б обмануть и сойти за Латонию, если б  
Не был лук роговым, а у той золотым бы он не был.  
Путали всё же их. Раз возвращалась Сиринга с Ликея;  
И увидал ее Пан и, сосною увенчан колючей,

Молвил такие слова...» – привести лишь слова оставалось

И рассказать, как, отвергнув мольбы, убегала Сиринга,

Как она к тихой реке, к Ладону, поросшему тростьем,

Вдруг подошла; а когда ее бег прегражден был водою,

Образ ее изменить сестриц водяных попросила;

Пану казалось уже, что держит в объятьях Сирингу, —

Но не девический стан, а болотный тростник обнимал он;

Как он вздыхает и как, по тростинкам задвигавшись, ветер

Тоненький звук издает, похожий на жалобный голос;

Как он, новым пленен искусством и сладостью звука,

«В этом согласье, – сказал, – навсегда мы останемся вместе!»

Так повелось с той поры, что тростинки неровные, воском

Слеплены между собой, сохраняют той девушки имя.

Только об этом хотел рассказать Киллений, как видит:

Все посомкнулись глаза, все очи от сна позакрылись.

Тотчас он голос сдержал и сна глубину укрепляет,

Тростью волшебной своей проводя по очам изнемогшим.

Сонный качался, а бог незаметно мечом серповидным

Арга разит, где сошлись затылок и шея, и тело

Сбрасывает, и скалу неприступную кровью пятнает.

Арг, лежишь ты! И свет, в столь многих очах пребывавший,

Ныне погас, и одна всей сотней ночь овладела.

Дочь Сатурна берет их для птицы своей и на перья

Ей полагает, и хвост глазками звездистыми полнит.

И запылала она, отложить не изволила гнева

И, наводящую дрожь Эринию в очи и душу

Девы Аргосской наслав и в грудь слепые стремленья

Ей поселив, погнала ее в страхе по кругу земному.

Ты оставался, о Нил, последним в ее испытаньях.

Только достигла его, согнула колена у берега

Самого и улеглась, запрокинув упругую выю.

Может лишь кверху смотреть и к звездам глаза подымает:

Стоном и плачем своим, мычаньем, с рыданьями схожим,

Муки молила прервать, Юпитеру жалуясь будто.

Он же, супругу свою обнимая вокруг шеи руками,

Просит, чтоб та наконец прекратила возмездие: «Страхи

Впредь отложи, – говорит, – никогда тебе дева не будет

Поводом муки», – и сам к стигийским взывает болотам.

И лишь смягчилась она, та прежний свой вид принимает,

И пропадают рога, и кружок уменьшается глаза,

Снова сжимается рот, возвращаются плечи и руки,  
И исчезает, на пять ногтей разделившись, копыто.  
В ней ничего уже нет от коровы, – одна белизна лишь.  
Службой довольствуясь двух своих ног, выпрямляется нимфа.

Только боится еще говорить, – подобно телице,  
Не замычать бы, – и речь пресеченную пробует робко.  
Ныне богиня она величайшая нильского люда.

Верят: родился Эпаф наконец у нее, восприявшей  
Семя Юпитера; он в городах почитался, во храмах

Вместе с отцом. По летам и способностям ровнею был с ним  
Солнца дитя Фаэтон. Когда он однажды, зазнавшись,  
Не пожелал уступить, похваляясь родителем Фебом,  
Спеси не снес Инахид. «Во всём, – говорит, – ты, безумный,  
Матери веришь, надмен, но в отце ты своем обманулся!»

Побагровел Фаэтон, но стыдом удержал раздраженье  
И поспешил передать Климене Эпафа попреки.  
«Скорбь тем больше, о мать, – говорит, – что, свободный и гордый,  
Я перед ним промолчал; мне стыд – оскорбленье такое, —  
Слово он вымолвить смог, но дать не смог я отпора!»

Ты же, коль истинно я сотворен от небесного корня,  
Знак даруй мне, что род мой таков; приобщи меня к небу!»  
Молвил он так и обвил материнскую шею руками,  
И головою своей и Меропсовой, сестриным браком  
Клялся, моля, чтоб отца дала ему верные знаки.

Трудно сказать, почему Климена – мольбой Фаэтона  
Тронута или гневясь, что взвели на нее обвиненье, —  
Обе руки к небесам подняла и, взирая на солнце, —  
«Светом его, – говорит, – чьи лучи столь ярко сверкают,  
Сын, клянусь тебе им, который нас видит и слышит, —

Этим, которого зришь, вот этим, что правит вселенной,  
Фебом рожден ты! Коль ложь говорю, себя лицезреть мне  
Пусть воспретит, и очам сей день да будет последним!  
Труд недолгий тебе – увидеть отцовских пенатов:  
Там, где восход, его дом граничит с нашей землею.

Если стремишься душой, отправляйся и будешь им признан».  
Тотчас веселый вскочил, услыхав материнское слово,  
И уж готов Фаэтон охватить всё небо мечтою.  
Вот эфиопов своих и живущих под пламенем солнца  
Индов прошел он и вмиг к отцовскому прибыл восходу.



## Книга вторая

Солнца высокий дворец подымался на стройных колоннах,  
Золотом ясным сверкал и огню подражавшим пиропом.  
Поверху был он покрыт глянцевитой слоновою костью,  
Створки двойные дверей серебряным блеском сияли.

Материал превзошел мастерство, – затем, что явил там  
Мулькибер глади морей, охватившие поясом земли;  
Круг земной показал и над кругом нависшее небо.  
Боги морские в волнах: меж ними Тритон громогласный,  
Непостоянный Протей, Эгеон, который сжимает

Мощным объятьем своим китов непомерные спины.  
Также Дорида с ее дочерьми; те плавали в море,  
Эти, присев на утес, сушили свой волос зеленый,  
Этих же рыбы везли; лицом не тождественны были  
И не различны они, как быть полагается сестрам.

А на земле – города, и люди, и рощи, и звери,  
Реки и нимфы на ней и разные сельские боги.  
Сверху покрыты они подобьем блестящего неба.  
Знаков небесных по шесть на правых дверях и на левых.  
Только дорогой крутой пришел туда отпрыск Климены,

В дом лишь вошел он отца, в чьем не был отцовстве уверен,  
Тотчас направил шаги к лицу родителя прямо  
И в отдалении стал; не в силах был вынести света  
Ближе. Сидел перед ним, пурпурной окутан одеждой,  
Феб на престоле своем, сиявшем игрою смарагдов.

С правой и левой руки там Дни стояли, за ними  
Месяцы, Годы, Века и Часы в расстояниях равных;  
И молодая Весна, венком цветущим венчана;  
Голое Лето за ней в повязке из спелых колосьев;  
Тут же стояла, грязна от раздавленных гроздьев, и Осень;

И ледяная Зима с взлохмаченным волосом белым.  
Вот приведенного в страх новизною предметов с престола  
Юношу Феб увидал все зрящими в мире очами.  
«В путь для чего ты пошел? Что в этом дворце тебе надо,  
Чадо мое, Фаэтон? Тебя ли отвергну?» – промолвил.

Тот отвечает: «О свет всеобщий великого мира,  
Феб, мой отец, если так называть себя мне позволяешь,  
Если Климена вины не скрывает под образом ложным!  
Дай мне, родитель, залог, по которому верить могли бы,  
Что порожден я тобой, – отрешь заблужденья от духа».

Так он сказал. И отец лучи отложил, что сияли  
Вкруг головы у него, велел пододвинуться ближе  
И, обнимая его, – «Не заслужено, – молвит, – тобою,  
Чтобы отверг я тебя, – Климена правду сказала.  
А чтоб сомненье твое уменьшилось, дара любого

Ныне проси, и я дам. Свидетель – болото, которым  
Клясться боги должны, очам незнакомое нашим».  
Только он кончил, а тот колесницу отцовскую просит,  
Права лишь день управлять крылоногими в небе конями.  
И пожалел тут отец, что поклялся; три и четыре

Раза качнул головой лучезарной, сказав: «Безрассудна  
Речь моя после твоей. О, если б мог я обратно  
Взять обещанья! Поверь: лишь в этом тебе отказал бы.  
Я не советую, сын. Опасны твои пожеланья.  
Много спросил, Фаэтон! Такие дары не подходят,

Сын мой, ни силам твоим, ни вовсе младенческим годам.  
Смертного рок у тебя, а желанье твое не для смертных.  
Больше того, что богам касаться дозволено горним,  
Ты домогаешься. Пусть о себе мнит каждый, как хочет,  
Всё же не может никто устоять на оси пламеносной,

Кроме меня одного. И даже правитель Олимпа  
Сам, что перуны стремится ужасной десницей, не станет  
Сей колесницы вести. А кто же Юпитера больше?  
Крут поначалу подъем; поутру освеженные кони  
Всходят едва по нему. Наивысшая точка – на полдне.

Видеть оттуда моря и земли порой самому мне  
Боязно, грудь и моя, замирая, от страха трепещет.  
Путь – по наклону к концу, и надо уверенно править.  
Даже Тетида, меня внизу в свои воды приемля,  
Страхом объята всегда, как бы я не низринулся в пропасть.

Вспомни, что небо еще, постоянным влекомо вращеньем,  
Вышние звезды стремится и движением крутит их быстрым.  
Мчусь я навстречу, светил не покорствуя общему ходу;  
Наперекор я один выезжаю стремительным кругом.  
Вообрази, что я дам колесницу. И что же? Ты смог бы

Полюсов ход одолеть, не отброшенный быстрою осью?  
Или, быть может, в душе ты думаешь: есть там дубровы,  
Грады бессмертных богов и дарами богатые храмы?  
Нет – препятствия там да звериные встретишь обличья!  
Чтоб направленья держать, никакой не отвлечься ошибкой,

Должен ты там пролетать, где Тельца круторогого минешь,  
Лук гемонийский и пасть свирепого Льва; Скорпиона,  
Грозные лапы свои охватом согнувшего длинным,  
И по другой стороне – клешнями грозящего Рака.  
Четвероногих сдержат, огнем возбужденных, который

В их пламенеет груди и ноздрями и пастями пышет,  
Будет тебе нелегко. И меня еле терпят, едва лишь  
Нрав распалится крутой, и противится поводу выя.  
Ты же, – чтоб только не стать мне даятелем смертного дара, —  
Поберегись, – не поздно еще, – измени пожеланье!

Правда, поверив тому, что родился от нашей ты крови,  
Верных залогов ты ждешь? Мой страх тебе – верным залогом!  
То, что отец я, – отца доказует боязнь. Погляди же  
Мне ты в лицо. О, когда б ты мог погрузить свои очи  
В грудь мне и там, в глубине отцовскую видеть тревогу!

И, наконец, посмотри, что есть в изобильной вселенной:  
Вот, из стольких ее – земных, морских и небесных —  
Благ попроси что-нибудь, – ни в чем не получишь отказа.  
От одного воздержись, – что казнью должно называться,  
Честью же – нет. Фаэтон, не дара, но казни ты просишь!

Шею зачем мне обвил, неопытный, нежным объятьем?  
Не сомневайся во мне – я клялся стигийскою влагой, —  
Всё, что желаешь, отдам. Но только желай поразумней».  
Он увещанья скончал. Но тот отвергает советы;  
Столь же настойчив, горит желаньем владеть колесницей.

Юношу всё ж наконец, по возможности медля, родитель  
К той колеснице ведет высокой – изделью Вулкана.  
Ось золотая была, золотое и дышло, был обод  
Вкруг колеса золотой, а спицы серебряны были.  
Упряжь украсив коней, хризолиты и ряд самоцветов

Разных бросали лучи, отражая сияние Феба.  
Духом отважный, стоит Фэтон изумленный, на диво  
Смотрит; но вечно бодр, уже на румянном востоке  
Створы багряных дверей раскрывает Аврора и сени,  
Полные роз. Бегут перед ней все звезды, и строй их

Люцифер гонит; небес покидает он стражу последним.  
Видя его и узрев, что земли и мир заалели  
И что рога у луны на исходе, истаяли будто,  
Быстрым Орам Титан приказал запрягать, – и богини  
Резвые вмиг исполняют приказ; изрыгающих пламя,

Сытых амброзией, вслед из высоких небесных конюшен  
Четвероногих ведут, надевают им звонкие узды.

Сына лицо между тем покрывает родитель священным  
Снадобьем, чтобы терпеть могло оно жгучее пламя;  
Кудри лучами ему увенчал и, в предчувствии горя,

Сильно смущенный, не раз вздохнул тяжело и промолвил:

«Ежели можешь ты внять хоть этим отцовским советам,  
Сын, берегись погонять и крепче натягивай вожжи.  
Кони и сами бегут, удерживать трудно их волю.  
Не соблазняйся путем, по пяти поясам вознесенным.

В небе прорезана вкось широким изгибом дорога,  
Трех поясов широтой она ограничена: полюс  
Южный минует она и Аркт, аквилонам соседний.  
Этой дороги держись: следы от колес ты заметишь.  
Чтоб одинаковый жар и к земле доносился и к небу,

Не опускайся и вверх, в эфир, не стреми колесницу.  
Если выше помчишь – сожжешь небесные до?мы,  
Ниже – земли сожжешь. Невредим серединой проедешь.  
Не уклонился бы ты направо, к Змею витому,  
Не увлекло б колесо и налево, где Жертвенник плоский.

Путь между ними держи. В остальном доверяю Фортуне, —

Пусть помогает тебе и советует лучше, чем сам ты!

Я говорю, а уже рубежи на берегах гесперийских

Влажная тронула ночь; нельзя нам долее медлить.

Требуют нас. Уже мрак убежал и Заря засветилась.

Вожжи рукою схвати! А коль можешь еще передумать,

Не колесницей моей, а советом воспользуйся лучше.

Время еще не ушло, и стоишь ты на почве не зыбкой,

Не в колеснице, тебе не к добру, по незнанию, желанной.

Лучше спокойно смотри на свет, что я землям дарую».

Юноша телом своим колесницу легкую занял,

Встал в нее, и вожжей руками коснулся в восторге,

Счастлив, и благодарит отца, несогласного сердцем.

Вот крылатых меж тем, Пироя, Эоя, Флегона,

Этона также, солнца коней, пламеносное ржанье

Воздух наполнило. Бьют ногами засов; и как только,

Внука не зная судьбы, открыла ворота Тетида

И обнаружился вдруг простор необъятного мира,

Быстро помчались они и, воздух ногами взрывая,

Пересекают, несясь, облака и, на крыльях поднявшись,



Опережают уже рождаемых тучами Эвров.

Легок, однако, был груз, не могли ощутить его кони

Солнца; была лишена и упряжь обычного веса, —

Коль недостаточен груз, и суда крутобокие валки,

Легкие слишком, они на ходу неустойчивы в море, —

Так без нагрузки своей надлежащей прядает в воздух

Иль низвергается вглубь, как будто пуста, колесница.

Только почуяла то, понесла четверня, покидая

Вечный накатанный путь, бежит уж не в прежнем порядке.

В страхе он сам. И не знает, куда врученные дернуть

Вожжи и где ему путь. А и знал бы, не мог бы управлять!

Тут в лучах огневых впервые согрелись Трионы,

К морю, запретному им, прикоснуться пытаюсь напрасно.

Змий, что из всех помещен к морозному полюсу ближе,

Вялый от стужи, дотоль никому не внушавший боязни,

Разгорячась, приобрел от жары небывалую ярость.

Помнят: и ты, Волопас, смущенный, бросился в бегство,

Хоть и медлителен был и своею задержан повозкой!

Только несчастный узрел Фаэтон с небесной вершины

Там, глубоко-глубоко, под ним распростерты земли.

Он побледнел, у него задрожали от страха колени  
И темнотою глаза от толикого света покрылись.  
Он уж хотел бы коней никогда не касаться отцовских,  
Он уж жалеет, что род свой узнал, что уважена просьба,  
Зваться желая скорей хоть Меропсовым сыном; несется,

Как под Бореем корабль, когда обессилевший кормчий  
Править уже перестал, на богов и обеты надеясь!  
Как ему быть? За спиной уж немало неба осталось,  
Больше еще впереди. Расстоянья в уме измеряет;  
То он на запад глядит в пределы, которых коснуться

Не суждено, а порой на восток, обернувшись, взирает;  
Оцепенел, не поймет, как быть, вожжей не бросает, —  
Но и не в силах коней удержать и имен их не знает.  
В трепете видит: по всем небесам рассеяны чуда  
Разнообразные; зрит огромных подобья животных.

Место на небе есть, где дугой Скорпион изгибает  
Клешни свои, хвостом и кривым двусторонним объятьем  
Вширь растянулся и вдаль, через два простираясь созвездья.  
Мальчик едва лишь его, от испарины черного яда  
Влажного, жалом кривым готового ранить, увидел, —

Похолодел и, без чувств от ужаса, выронил вожжи.

А как упали они и, ослабнув, крупов коснулись,

Кони, не зная преград, без препятствий уже, через воздух

Краем неведомым мчат, куда их порыв увлекает,

И без управы несут; задевают недвижные звезды,

Мча в поднебесной выси, стремят без пути колесницу, —

То в высоту заберут, то, крутым спускаясь наклоном,

В более близком уже от земли пространстве несутся.

И в удивленье Луна, что мчатся братнины кони

Ниже, чем кони ее; и дымят облака, занимаясь.

Полымя землю уже на высотах ее охватило;

Щели, рассевшись, дает и сохнет, лишенная соков,

Почва, седеют луга, с листвою пылают деревья;

Нивы на горе себе доставляют пламени пищу.

Мало беды! Города с крепостями великие гибнут

Вместе с народами их, обращают в пепел пожары

Целые страны. Леса огнем полыхают и горы:

Тавр Киликийский в огне, и Тмол с Афоном, и Эта;

Ныне сухая, дотоль ключами обильная Ида,

Дев приют – Геликон и Гем, еще не Эагров.

Вот двойным уж огнем пылает огромная Этна;  
И двухголовый Парнас, и Кинт, и Эрикс, и Офрис;  
Снега навек лишены – Родопа, Мимант и Микала,  
Диндима и Киферон, для действий священных рожденный.  
Скифии стужа ее не впрок; Кавказ полыхает.

Также и Осса, и Пинд, и Олимп, что выше обоих.  
Альп поднебесных гряда и носители туч Апеннины.  
Тут увидал Фаэтон со всех сторон запылавший  
Мир и, не в силах уже стерпеть столь великого жара,  
Как из глубокой печи горячий вдыхает устами

Воздух и чует: под ним раскалилась уже колесница.  
Пепла, взлетающих искр уже выносить он не в силах,  
Он задыхается, весь горячим окутанный дымом.  
Где он и мчится куда – не знает, мраком покрытый  
Черным, как смоль, уносим крылатых коней произволом.

Верят, что будто тогда от крови, к поверхности тела  
Хлынувшей, приобрели черноту эфиопов народы.  
Ливия стала суха, – вся зноем похищена влага.  
Волосы пораспустив, тут стали оплакивать нимфы  
Воды ключей и озер. Беотия кличет Диркею;

Аргос – Данаеву дочь; Эфира – Пиренские воды.

Рекам, которых берега отстоят друг от друга далёко,  
Тоже опасность грозит: средь вод Танаис задымился  
И престарелый Пеней, а там и Каик тевфранийский,  
И быстроводный Исмен, и с ним Эриманф, что в Псофиде;

Ксанф, обреченный опять запылать, и Ликорм желтоватый,  
Также игривый Меандр с обратно текущей струею,  
И мигдонийский Мелант, и Эврот, что у Тенара льется;  
Вот загорелся Евфрат вавилонский, Оронт загорелся,  
Истр и Фасис, и Ганг, Фермодонт с падением быстрым;

Вот закипает Алфей, берега Сперхея пылают;  
В Таге-реке, от огня растопившись, золото льется,  
И постоянно берега меонийские славивших песней  
Птиц опалило речных посредине теченья Каистра.  
Нил на край света бежал, перепуган, и голову спрятал,

Так и доныне она всё скрыта, а семь его устий  
В знойном лежали песке – семь полых долин без потоков.  
Жребий сушит один исмарийский Гебр со Стримоном,  
Также и Родан, и Рен, и Пад – гесперийские реки,  
Тибр, которому власть над целым обещана миром!

Трещины почва дала, и в Тартар проник через щели  
Свет и подземных царя с супругою в ужас приводит.  
Море сжимается. Вот уж песчаная ныне равнина,  
Где было море вчера; покрытые раньше водою,  
Горы встают и число Киклад раскиданных множат.

Рыбы бегут в глубину, и гнутым дугою дельфинам  
Боязно вынестись вверх из воды в привычный им воздух;  
И бездыханны плывут на спине по поверхности моря  
Туши тюлени. Сам, говорят, Нерей и Дорида  
Вместе с своими детьми в нагревшихся скрылись пещерах.

Трижды Нептун из воды, с лицом искажившимся, руки  
Смелость имел протянуть, – и трижды не выдержал зноя.  
Вот благодатная мать Земля, окруженная морем,  
Влагой теснима его и сжатыми всюду ключами,  
Скрывшими токи свои в материнские темные недра,

Только по шею лицо показав, истомленное жаждой,  
Лоб заслонила рукой, потом, великою дрожью  
Всё потрясая, чуть-чуть осела сама, и пониже  
Стала, чем раньше, и так с пересохшей сказала гортанью:  
«Если так должно и стою того, – что ж медлят перуны,

Бог высочайший, твои? Коль должна от огня я погибнуть,  
Пусть от огня твоего я погибну и муки избегну!  
Вот уж насилу я рот для этой мольбы раскрываю, —  
Жар запирает уста, – мои волосы, видишь, сгорели!  
Сколько в глазах моих искр и сколько их рядом с устами!

Так одаряешь меня за мое плодородье, такую  
Честь воздаешь – за то, что ранения острого плуга  
И бороны я терплю, что круглый год я в работе.  
И что скотине листву, плоды же – нежнейшую пищу —  
Роду людскому даю, а вам приношу – фимиамы?

Если погибели я заслужила, то чем заслужили  
Воды ее или брат? Ему врученные роком,  
Что ж убывают моря и от неба всё дальше отходят?  
Если жалостью ты ни ко мне, ни к брату не тронут,  
К небу хоть милостив будь своему: взгляни ты на оба

Полюса – оба в дыму. А если огонь повредит их,  
Рухнут и ваши дома. Атлант и тот в затрудненье,  
Еле уже на плечах наклоненных держит он небо,  
Если погибнут моря, и земля, и неба палаты,  
В древний мы Хаос опять замешаемся. То, что осталось,

Вырви, молю, из огня, позаботься о благе вселенной!»

Так сказала Земля; но уже выносить она жара

Дольше не в силах была, ни больше сказать, и втянула

Голову снова в себя, в глубины, ближайšie к манам,

А всемогущий отец, призвав во свидетели вышних

И самого, кто вручил колесницу, – что, если не будет

Помощи, всё пропадет, – смущен, на вершину Олимпа

Всходит, откуда на ширь земную он тучи наводит,

И подвигает грома, и стремительно молнии мечет.

Но не имел он тогда облаков, чтоб на землю навестить их,

Он не имел и дождей, которые пролил бы с неба.

Он возгремел, и перун, от правого пущенный уха,

Кинул в возницу, и вмиг у него колесницу и душу

Отнял зараз, укротив неистовым пламенем пламя.

В ужасе кони, прыжком в обратную сторону прянув,

Сбросили с шеи ярмо и вожжей раскидали обрывки.

Здесь лежат удила, а здесь, оторвавшись от дышла,

Ось, а в другой стороне – колес разбившихся спицы;

Разметены широко колесницы раздробленной части.

А Фэтон, чьи огонь похищает златистые кудри,



В бездну стремится и, путь по воздуху длинный свершая,  
Мчится, подобно тому, как звезда из прозрачного неба  
Падает или, верней, упadaющей может казаться.  
На обороте земли, от отчизны далёко, великий  
Принял его Эридан и дымящийся лик омывает.

Руки наяд-гесперид огнем триязычным сожженный  
Прах в могилу кладут и камень стихом означают:  
«Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница:  
Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он».  
И отвернулся отец несчастный, горько рыдая;

Светлое скрыл он лицо; и, ежели верить рассказу,  
День, говорят, без солнца прошел: пожары – вселенной  
Свет доставляли; была и от бедствия некая польза.  
Мать же Климена, сказав всё то, что в стольких несчастьях  
Должно ей было сказать, в одеяниях скорбных, безумна,

Грудь терзая свою, весь круг земной исходила;  
Всё бездыханную плоть повсюду искала и кости, —  
Кости нашла наконец на чуждом побережье, в могиле.  
Туг же припала к земле и прочтенное в мраморе имя  
Жаркой слезой облила и ласкала открытою грудью.

Дочери Солнца о нем не меньше рыдают, и слезы —  
Тщетный умершему дар – несут, и, в грудь ударяя, —  
Горестных жалоб хоть он и не слышит уже, – Фаэтона  
Кличут и ночью и днем, и простершись лежат у могилы.  
Слив рог с рогом, Луна становилась четырежды полной.

Раз, как обычно, – затем что вошло гореванье в обычай, —  
Вместе вопили они; Фаэтуза меж них, из сестер всех  
Старшая, наземь прилечь пожелав, простонала, что ноги  
Окоченели ее; приблизиться к ней попыталась  
Белая Лампетиз?, но была вдруг удержана корнем.

Третья волосы рвать уже собиралась руками —  
Листья стала срывать. Печалится эта, что держит  
Ствол ее ноги, а та – что становятся руки ветвями.  
У изумленной меж тем кора охватила и лоно  
И постепенно живот, и грудь, и плечи, и руки

Вяжет – и только уста, зовущие мать, выступают.  
Что же несчастная мать? Что может она? – неужемно  
Ходит туда и сюда и, пока еще можно, целует!  
Этого мало: тела из стволов пытается вырвать,  
Юные ветви деревьев ломает она, и оттуда,

Словно из раны, сочась, кровавые капают капли.

«Мать, молю, пожалей!» – которая ранена, кличет.

«Мать, молю! – в деревьях тела терзаются наши...

Поздно – прощай!» – и кора покрывает последнее слово.

Вот уже слезы текут; источась, на молоденьких ветках

Стынет под солнцем янтарь, который прозрачной рекою

Принят и катится вдаль в украшение женам латинским.

Кикн, Сфенела дитя, при этом присутствовал чуде.

Он материнской с тобой был кровью связан, но ближе

Был он по духу тебе, Фаэтон. Оставивши царство, —

Ибо в Лигурии он великими градами правил, —

Берег зеленый реки Эридана своей он печальной

Жалобой полнил и лес, приумноженный сестрами друга.

Вдруг стал голос мужской утончаться, белые перья

Волосы кроют ему, и длинная вдруг протянулась

Шея; стянула ему перепонка багряные пальцы,

Крылья одели бока, на устах клюв вырос неострый.

Новой стал птицею Кикн. Небесам и Юпитеру лебедь

Не доверяет, огня не забыв – их кары неправой, —

Ищет прудов и широких озер и, огонь ненавидя,

Предпочитает в воде, враждебной пламени, плавать.

Темен родитель меж тем Фазтона, лишенный обычной

Славы венца, как в час, когда он отходит от мира;

Возненавидел он свет, и себя, и день лучезарный,

Скорби душой предался, и к скорби гнева добавил,

И отказался служить вселенной. «Довольно, – сказал он, —

Жребий от века был мой беспокоен, мне жаль совершенных

Мною вседневных трудов, – что нет ни конца им, ни чести.

Пусть, кто хочет, другой светоносную мчит колесницу!

Если же нет никого, и в бессилье признаются боги,

Правит пусть сам! – чтобы он, попробовав наших поводов,

Молний огни отложил, что детей у отцов отнимают.

Тут он узнает, всю мощь коней испытав огненогих,

Что незаслуженно пал не умевший управиться с ними».

Но говорящего так обступают немедленно Феба

Все божества и его умоляют, прося, чтобы тени

Не навел он на мир. Юпитер же молнии мечет

И, добавляя угроз, подтверждает державно их просьбы.

И, обезумевших, впряг, еще трепещущих страхом,

Феб жеребцов, батогом и бичом свирепствуя рьяно.

Бьет, свирепствует, их обвиняя в гибели сына.

А всемогущий отец обходит огромные стены

Неба; тщательно стал проверять: от огня расшатавшись,

Не обвалилось ли что. Но, уверясь, что прежнюю крепость

Всё сохранило, он взор направил на землю и беды

Смертных. Но более всех о своей он Аркадии полон

Нежных забот. Родники и еще не дерзавшие литься

Реки спешит возродить и почве траву возвращает,

Листья – деревьям, велит лесам зеленеть пострадавшим.

Часто бывает он там, и вот поражен онакринской

Девушкой, встреченной им, – и огонь разгорается в жилах.

Не занималась она чесанием шерсти для тканей.

Разнообразить своей не умела прически. Одежду

Пряжка держала на ней, а волосы – белая повязь.

Легкий дротик она иль лук с собою носила;

Воином Фебы была. Не ходила вовек по Меналу

Дева, Диане милей Перекрестной. Но всё – мимолетно!

Уж половину пути миновало высокое солнце, —

Девушка в рощу вошла, что порублена век не бывала.

Скинула тотчас колчан с плеча и лук отложила

Гибкий, сама же легла на травую покрытую землю;

Так, свой расписанный тул подложив под затылок, дремала.

Только Юпитер узрел отдохавшую, вовсе без стража, —

«Эту проделку жена не узнает, наверно, — промолвил, —

Если ж узнает, о пусть! Это ль ругани женской не стоит?»

Вмиг одеяние он и лицо принимает Дианы

И говорит: «Не одна ль ты из спутниц моих? На которых,

Дева, охотилась ты перевалах?» И дева с лужайки

Встала. «Привет, — говорит, — божеству, что в моем рассужденье

Больше Юпитера, пусть хоть услышит!» Смеется Юпитер,

Рад, что себе самому предпочтен, и дарит поцелуи;

Он неумерен, не так другие целуются девы.

В лес направлялась какой, рассказать готовую деву

Стиснул в объятиях он, — и себя объявил не безвинно.

Сопротивляясь, она — насколько женщина может —

С ним вступает в борьбу, но Юпитера дева какая

(Если бы видела ты, о Сатурния, ты бы смягчилась!)

Кінець ознакомительного фрагмента.

----

Купити: [https://tellnovel.com/ovidiy-nazon\\_publiy/metamorfozy](https://tellnovel.com/ovidiy-nazon_publiy/metamorfozy)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)